

УДК 811.161.1,373

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-24-36

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА В ПОЭТИЧЕСКОМ ОНОМАСТИКОНЕ БУЛАТА ОКУДЖАВЫ: ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕЯТЕЛИ

Попович О. А.¹, Крылова Н. Ф.²

¹Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова
140008, Павлодар, ул. Ломова, д. 64, Республика Казахстан

²Государственный университет управления
109542, г. Москва, Рязанский пр-т, д. 99, Российская Федерация

Аннотация.

Целью работы является описание особенностей функционирования имен собственных в поэтическом тексте Булата Окуджавы – известного поэта XX века, основоположника такого явления русской культуры, как авторская песня.

Процедура и методы исследования. Рассматриваются антропонимы тематического поля «Исторические и политические деятели», используемые автором в поэтическом тексте и имеющие в качестве своего референта реальное лицо, т. е. человека, живущего или жившего в реальном мире.

Результаты. Проведённое исследование показало, что анализируемая группа онимов отражает ключевые фигуры русской и мировой истории и культуры, а также знаковые фигуры того времени, в котором жил сам автор. За каждым именем стоит мировоззрение, мироощущение, система взглядов поэта.

Теоретическая и / или практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы в разработке методики интегрированного изучения дисциплин в вузе.

Ключевые слова: лингвистика текста, литературная ономастика, поэтоним, ономастикон, индивидуально-авторская картина мира

PRECEDENT NAMES IN THE POETIC ONOMASTICON OF BULAT OKUDZHAVA: HISTORICAL AND POLITICAL FIGURES

O. Popovich¹, N. Krylova²

¹S. Toraigyrov Pavlodar State University
64 Lomova ul., Pavlodar 140008, Republic of Kazakhstan

²State University of management
99 Ryazanskiy Prospekt, Moscow 109542, Russian Federation

Abstract.

The aim of the work is to describe the functioning of proper names in the poetic text of Bulat Okudzhava – a famous poet of the twentieth century, the founder of such a phenomenon of Russian culture as the author song.

Methodology. We consider the anthroponyms of the thematic field “Historical and Political Figures”, used by the author in a poetic text and having a real person as his referent, i.e. a person living or lived in the real world.

Results. The analyzed group of precedent onyms represents key figures of Russian and world history and culture, as well as iconic figures of the time in which the author lived. Behind each name is a worldview, attitude, belief system, code of ethics.

Research implications lies in the fact that the results of the study can be used to develop methods for the integrated study of disciplines in a university.

Keywords: linguistics of the text, literary onomastics, poetonym, onomasticon, individual author's picture of the world

Введение

В современной науке не ослабевает интерес к изучению имени собственного. Ономастические исследования привлекают учёных разных направлений и традиций. Одним из актуальных направлений современной ономастики является изучение функционирования имени собственного в языке художественной литературы. Широко известны слова В. В. Виноградова о том, что «вопрос о подборе имён, фамилий, прозвищ в художественной литературе, о структурных их своеобразиях в разных жанрах и стилях, об их образцах, характеристических функциях и т. п. не может быть иллюстрирован немногими примерами. Это очень большая и сложная тема стилистики художественной литературы» [1, с. 38].

В середине прошлого века начала формироваться новая наука, объектом исследования которой являются собственные имена в произведениях художественной литературы. Данная наука ещё не имеет одного, устоявшегося названия. Чаще всего её называют литературной ономастикой, но известны и другие названия: литературно-художественная ономастика, стилистическая ономастика, поэтическая ономастика, поэтонимология, поэтика онама, или именовлогия. Наверное, этот ряд можно и продолжить.

В настоящее время наука активно развивается, о чём говорят многочисленные исследования учёных. Целый ряд работ посвящён истории формирования литературной ономастики [4; 12; 14]. Так, А. А. Фомин считает, что можно говорить по меньшей мере о четырёх линиях развития науки о литературной ономастике: философском, логическом, литературоведческом и лингвистическом [14].

Интересуют учёных как общие проблемы литературной ономастики [7; 13; 3;

15; 6], так и особенности использования собственных имён конкретными авторами [9; 11; 2; 10; 5] либо в определённых текстах [8]. Исследуются семантика имён, структурная организация ономастического пространства, стилистические функции онимов, их ассоциативные связи, соотношённые с реализацией конкретного образа, авторской позиции, замысла произведения и многое другое.

О. И. Фоякова выделяет несколько актуальных направлений анализа онимов в художественном тексте: по объекту изучения (текстовое – внетекстовое); по охвату ономастического пространства художественного текста (полный – дифференциальный); по соотношённости с семантической композицией художественного текста (ономастический – ономапоэтический); по характеру коннотаций (стилевые – внестилевые / внутренние – внешние); по содержанию внетекстовой информации (лингвистический – внелингвистический); по типам системных связей имён собственных в художественном тексте (парадигматический – синтагматический); по аспектам семантико-стилистического анализа онимов (структурный – функциональный) [15].

В рамках литературной ономастики важной также является проблема использования в художественном тексте прецедентных имён. Данная группа имён, как правило, отражает ключевые фигуры русской и мировой истории и культуры, а также знаковые фигуры того времени, в котором жил сам автор. Употребляя то или иное имя, автор тем самым показывает свою сопричастность, своё отношение, приятие или неприятие действий, поступков той или иной личности.

Литературное имя собственное, являясь функционально-семантическим словесным знаком, в пространстве художествен-

ного текста служит для индивидуализации и характеристики единичных объектов художественной действительности. Не вызывает сомнения и тот факт, что отбор и включение проприальной лексики в пространство художественного текста – процесс целенаправленный, служащий адекватному выражению авторских интенций.

В данной работе предпринята попытка описания особенностей функционирования имён собственных в поэтическом тексте Булата Окуджавы – известного поэта XX века, чьё творческое наследие невозможно отделить не только от такого явления русской культуры, как авторская песня, но и от литературы второй половины XX столетия в целом.

Исторические и политические деятели в ономастическом пространстве поэзии Булата Окуджавы

Антропонимы, используемые автором в поэтическом тексте и имеющие в качестве своего референта человека, живущего или жившего в реальном мире, представлены 198 языковыми единицами. Данную группу составляют несколько тематических полей, одним из которых является поле «Исторические и политические деятели». Каждое имя этой группы отражает мироощущение автора, его морально-этический кодекс.

Тематическая группа «Исторические и политические деятели» представлена 19 персоналиями: Александр Македонский, Цезарь, Жанна д'Арк, Зигмунт (король Польский), Наполеон, Лумумба, Пётр I, Павел I, Александр I, Аракчеев, Луни (декабрист), Распутин, Ленин, Сталин, Молотов, Берия, Будённый, Руслан Хасбулатов, Георгий Саакадзе.

Большинство онимов относится к однословным наименованиям: фамилии (*Пушкин, Луни*), а также слова, воспринимаемые как фамилии (*Ленин, Сталин, Цезарь*); имена, отчества (*Ильич*). Один оним является местоимением, получившим в поэтическом тексте статус имени собственного (*Самого* – о Сталине).

4 онима представляют двухсловную модель: сочетание имени и отчества *Иосиф Виссарьоныч*, сочетание имени и порядкового числительного *Павел Первый*, принятое при именовании правителей, императоров и т. д., сочетание личного и родового имени *Жанна д'Арк*, сочетание имени и когномена *Александр Македонский*.

Имя Ленина встречается в 3-х поэтических текстах Б. Окуджавы. Эти произведения относятся к его раннему творчеству. В поэме, посвящённой великому учёному – основателю космологии К. Циолковскому, «Весна в октябре» (1954 год) Ленин не является центральным образом. Имя в тексте употребляется лишь один раз в составе обособленного определения: *Калуга дышала // морозцем октябрьским // и жаром декретов, // подписанных Лениным*.

Несмотря на то, что в данном случае имя занимает на уровне синтаксиса функцию второстепенного члена, в семантическом пространстве текста его можно рассматривать в качестве ключевого компонента. В тексте чётко противопоставлены два концептуализированных хронотопа – хронотоп прошлого, дореволюционного времени, и хронотоп настоящего, обращённого в будущее. Концепт «Настоящее» репрезентируется на поверхностном уровне текста через лексемы нескольких пересекающихся в тексте тематических групп: *надежда, поддержка, новизна, дыхание, весеннее, весна; костры, пламя, свобода, красноармейцы, октябрь, Ленин; свет, звёзды, Луна* и др.

В стихотворении «Моё поколение» (1953 год) Ленин является одним из центральных образов произведения. Имя Ленина употреблено в тексте 6 раз (антропонимы *Ленин, Ильич*), оно используется почти в каждой строфе (в 3 или 4 строчке). В 3-й строфе, где отсутствует имя собственное, используется местоименная замена (*его*), в 7 строфе фигурирует апеллатив *ленинцы*.

Антропоним *Ленин* выполняет текстообразующую функцию и репрезентирует один из основных концептов текста. Содержание концепта в тексте раз-

ворачивается по двум смысловым векторам: Ленин – вождь революции (посылал матросов к Зимнему, с его именем сражались под Перекопом и Кронштадтом и т. д.); Ленин – идеал, пример для подражания (о нём рассказывали, как о самом большом и светлом, ему стараются подражать и т. д.).

Концепт «Ленин» соотносится с базовым концептом текста – концептом «Поколение». Данный концепт репрезентируется уже в названии стихотворения («Моё поколение»), т. е. вынесен в сильную позицию текста. В композиционной структуре стихотворения взаимодействуют образы двух поколений – поколения людей, участвовавших в революции и знавших, видевших Ленина (*Герои того сурового племени, овеванные революции ветром; тем, кого посылал он к Зимнему, руки кому пожимал горячо; в молчанье торжественно его провожала* и т. д.), и поколения лирического героя, противопоставленного поколению революционеров, так как родилось позже и не участвовало в исторических событиях, не видело Ленина (*Не на наших глазах совершалось начало; не видело Ленина моё поколение; Не нас посылал он с матросами к Зимнему*). Образ своего поколения автор раскрывает через то, что это поколение не делало, но то, что для этого поколения является очень важным. Ленин представлен в поэтическом тексте как символ эпохи, связующее звено, идеал, который объединяет людей разных поколений. Концепт «Ленин» входит в структуру базового концепта «Поколение». Отметим также, что данный концепт является очень важным в концептуальном пространстве всего творчества Б. Окуджавы. Само слово *поколение* встречается в стихотворениях Окуджавы неоднократно: *Он приходит, простой и любимый, // сквозь все поколения* («Ленин»); *В ногу, поколение моё* («Здравствуй, жизнь!»); *Вымирает моё поколение; глядит и глядит на нас // идущее за нами поколенья* («Я ухожу от пули...»); *И грядущим поколеньям, // обожжённым нетерпеньем, // тоже это предстоит* («Почему мы исчезаем...»); *Через два поколения выйдут на*

свет // люди, которых сегодня нет. Концепт «Поколение» представлен и в текстах, где он репрезентируется при помощи других языковых единиц, иногда – при помощи символов, аналогий и т. д.

В стихотворении «Ленин» (1955 год) антропоним репрезентирует базовый концепт текста. Имя используется в тексте дважды – в сильной позиции текста, в его названии, и в последних строках стихотворения.

Структурная организация текста соотносима с конструкцией именительного темы, фигурой речи, где существительное, называющее тему, стоит в форме именительного падежа и отделяется от последующего текста (в данном случае – точкой). В самом тексте предмет речи не называется, а используется местоименно-синонимическая замена, ср.: *Мы приходим к нему за советом; Он выходит навстречу; знакомый его говорит; Мы встречаемся с ним ежедневно; хоть на миг без него; разве мы не приходим к нему*.

В отличие от предыдущего стихотворения образ Ленина в данном тексте конкретизирован, он раскрывается через описание конкретной, хотя и предполагаемой, вымышленной ситуации (встреча, беседа с Лениным), которая является типичной, повторяющейся (*приходим утром, в полдень, в полночь, встречаемся с ним ежедневно*). В тексте, вероятно, речь идёт не столько о реальном общении с Лениным, сколько об обращении к его идеям, книгам (*чтобы силу извлечь // из испытанных временем книг*), которое получило в тексте форму конкретных образов, ситуации, выведенной за пределы актуального времени (*Он приходит... // сквозь все поколения*).

Содержание концепта «Ленин», представленное в данном тексте, включает следующие компоненты:

1) описание внешности, характеристика действий (*аккуратен, собран, невысокого роста, приветлив, скромно одет, жмёт руку, смотрит знакомо и добро, его голос входит в самое сердце, простой и т. д.*);

2) Ленин в жизни людей (*мы приходим к нему за помощью, «извлечь силу»; всё, что создано нами прекрасного, великого,*

создано с Лениным; любимый; он приходит сквозь все поколения).

Перечисленные выше смысловые компоненты выводятся в тексте через соотношение «он – мы»: *мы приходим, он выходит, мы встречаемся, разве мы не приходим, создано нами – создано с Лениным, он приходит*. В первой части стихотворения перечисляются более конкретные характеристики образа, в последней – актуализируется его масштабность.

В тексте коммуникативная модель «он – мы» основана на противопоставлении: «он» не включён в «мы». Несмотря на всю позитивность, идеальность образа Ленина, на то, что «мы приходим к нему», на грамматическом уровне образ Ленина дистанцирован от образа, который выражен местоимением «мы», включающего в себя лирического героя.

Во всех текстах присутствует ярко выраженная положительная коннотация данного образа. Антропоним *Ленин* отражает один из ключевых компонентов в семантической структуре текста.

В поэтическом тексте «Лунин в Забайкалье» антропоним *Лунин* также репрезентирует центральный образ стихотворения. Михаил Сергеевич Лунин – декабрист, а образы декабристов неоднократно встречаются у Б. Окуджавы. Однако в поэтических текстах нами был обнаружен только один индивидуализированный образ, представленный под своим собственным именем.

В тексте антропоним *Лунин* встречается только один раз, и то в названии стихотворения, которое по своей структуре представляет собой эллиптическое предложение – *Лунин в Забайкалье*. В самом тексте для называния образа используются личные местоимения. Название *Лунин в Забайкалье* носит пропозициональный характер, оно определяет не только тему речи, её предмет, но и целую ситуацию. Причём топоним *Забайкалье* в сочетании с антропонимом называет не только пространство как таковое, он определяет и время (после декабрьского восстания), и то, что происходит в это время и в этом

пространстве – это время и место ссылки и тюремного заключения М. Лунина. В названии стихотворения, в силу его пропозициональности, задаются определённые художественные пространство и время – «не здесь» и «не сейчас». В первой строфе создаются иные художественные время и пространство – «здесь» и «сейчас».

Коммуникативная модель анализируемого текста проявляется, в первую очередь, через особенности употребления прономинальных единиц. Использование антропонима в названии предполагает дальнейшую местоименно-синонимическую замену, в первую очередь местоимением 3-го лица «он». В тексте же использовано местоимение 2-го лица «вы» в функции вежливого обращения к одному лицу, т. е. Лунин представлен уже как мыслимый собеседник лирического героя. Необходимо отметить, что диалогичность текста проявляется на разных языковых уровнях, с помощью следующих средств: на уровне морфологии использование местоимения 2-го лица, глаголов в форме 2-го лица повелительного наклонения (*скажите, ступайте*), на уровне синтаксиса – использование обращения (*о вы, неудачник опасный*), побудительных и вопросительных предложений и т. д.

Прономинальные единицы в данном тексте играют важную роль и в реализации идейно-композиционного замысла стихотворения. Коммуникативная модель текста строится на соотношении местоимений «вы» – «мы», в котором «вы», репрезентирующее центральный образ, не противопоставлено «мы», подразумевающему лирического героя и ещё кого-либо, а включено в него.

Поэтический текст состоит из шести строф. В первых двух, а также в последних двух строфах употребляется местоимение «вы», в третьей и четвёртой строфе – местоимение 1 лица, при этом «мы», включая в себя и лирического героя, и центральный образ, носит обобщённый характер. *Чем медленней мы – тем старше* – в этом предложении *мы*, наверное, подразумевает любого, каждого и т. д.; *Отвага нас детская*

мучит – в данном случае *нас*, всего скорее, подразумевает не любого, каждого, а лирического героя, Лунина, и всех других, таких же, как они (так же, как и в строке *Пора бы собой дорожить*, в которой местоимение опущено, но его значение подразумевается). Таким образом, через изменение коммуникативной модели, переход от местоимения *вы* к инклюзивному *мы* выражено авторское отношение к герою, определена их общность.

К четвёртой строфе смещается вектор внутреннего пространства текста: *Отвага нас детская мучит, / в кирпич кулачками стучит* – в этих строках лирический герой обращается не столько к декабристу Лунину, говорит не столько о нём, сколько о себе самом. Звучит характерная для Окуджавы горькая самоирония: вместе с «отвагой» – ощущение трагизма, осознание бесполезности, несущественности своих действий.

В следующей строфе происходит возвращение к прежней коммуникативной модели. Обращает на себя внимание количественное распределение личных местоимений в структуре текста. Если в первых шести строках обнаруживается однократное употребление прономенов *вы*, *мы*, то в последней части стихотворения местоимение *вы* используется в трёх строках подряд: *Неужто что было, то было? // И гвардия вас позабыла, // и даже не снитесь вы ей. // А чем же вы это опасны?* В предпоследней строфе за счёт повтора местоимений, уменьшения количества строк, за счёт звукописи увеличивается смысловая и эмоциональная плотность текста. В этой строфе, на наш взгляд, происходит максимальное обострение внутреннего конфликта, разрешение которого происходит в последней строфе.

Восьмая, последняя строфа – это главный вопрос лирического героя, на который он сам же и пытается дать ответ: *А чем же вы это опасны? // Наверное, тем, что прекрасны // и тем, что, наверно, пристрастны // в любви к отчизне своей.*

Этот ответ представляет собой не только главную характеристику центрального

образа, но и является квинтэссенцией мировоззрения автора.

Имя Сталина встречается в четырёх поэтических текстах Б. Окуджавы. В стихотворении «Стоит задремать немного...» (1979 год) имя *Сталин* употребляется три раза: два раза во второй строфе и один раз в последней, десятой строфе; в первой строфе в функции имени собственного выступает местоимение *Самого*.

По внешней форме стихотворение переключается с поэмой А. Твардовского «Василий Тёркин» (возможно, что стихотворение в какой-то степени является стилизацией): тот же ритм, диалогичность текста, стилистические приёмы, повторяющееся обращение *Нет, ребята* и т. д.

Стихотворение носит обличительный характер, в нём прослеживаются элементы сатиры, гротеска. Гротескная форма задаётся уже с первых строчек стихотворения, где ситуация определяется не как реальная, а как вымышленная – ситуация сна, дремоты. Стилистический тон стихотворению задаёт глагол *задремать*: *Стоит задремать немного, // сразу вижу Самого.*

Содержание базового концепта складывается из компонентов, выводимых на разных уровнях текста. В стихотворении практически не используются прямые характеристики главного персонажа. Образ раскрывается через гротескную форму при помощи ряда приёмов: использования апеллятива в функции онима, антитезы, гиперболы, литоты, образного перифразы, метафоры, риторических вопросов, условно-следственных конструкций, соединения разностилевых единиц.

Антропоним, репрезентирующий базовый концепт, вступает в тексте в синтагматические отношения с другими языковыми единицами, представляющими горизонтальный контекст, которые также выполняют номинативную функцию, но при этом содержат характеристику главного персонажа: *Сталин, Сам, лик всей страны, усатый сокол.*

Образ Сталина вводится в поэтический текст не при помощи официального имени (псевдонима), а посредством имени

собственного, представляющего собой результат *онимизации* апеллятива – определительного местоимения *Сам* в значении существительного. В данном употреблении местоимение является просторечным и имеет значение ‘хозяин, глава (дома, семьи, предприятия, учреждения и т. д.)’.

Таким образом, апеллятив, перешедший в разряд онимов, становится не только наименованием центрального персонажа, но и его характеристикой.

Стилистическая и лексическая корреляция онима *Самого* со словом *собутельнички* обуславливает сниженный характер образа: потенциальные семы слова *собутельнички* – ‘невысокий социальный статус’, ‘уровень культуры, поведения’ и т. д. – в результате наличия в нём семы совместности распространяются и на главного персонажа.

Во второй и третьей строфе при помощи гиперболы в гротескной форме показывается всемогущество Сталина. Во второй строфе антропоним используется два раза в составе бессоюзных сложных предложений с условно-следственными отношениями, построенных по принципу синтаксического параллелизма, первая часть сложного предложения называет какое-либо незначительное физическое действие персонажа, вторая часть называет следствия этого действия: *Сталин трубочку раскурит // станут листья опадать. // Сталин бровь свою нахмурит – // трём народам не бывать... // А усы в вине намочит – // все безудержно пьяны*. Власть Сталина распространяется и на природу, и на целые народы. Образ Сталина противопоставляется образу народа: *Что ничтожный тот комочек // перед ликом всей страны?* Образ Сталина масштабен, но масштабен он своей разрушительной силой.

Для создания гротескного образа на фоне разговорной лексики автор использует слова, относящиеся к поэтическому языку: *лик* в традиционно-поэтическом значении, а также слово *сокол*, являющееся в русском фольклоре и древнерусской литературе символом воина-героя, богатыря

и т. д. В сочетании с прилагательным *усатый* выражение принимает комический характер: *И летал усатый сокол // целый мир вгоня в дрожь*.

В четвёртой строфе возникает образ эпохи, гротескная форма постепенно исчезает, ситуация сна постепенно переходит в ситуацию реальной действительности. Разговаривая с предполагаемым оппонентом, лирический герой приводит аргументы, позволяющие ему в последней строке сделать свой вывод. Образ Сталина рассматривается через призму эпохи, народа и его истории. Да, с именем Сталина ходили на врага, в народе жива любовь к нему, однако вина Сталина не вызывает у лирического героя никакого сомнения: *нас гонял по лагерям; но ведь и друг дружку били; А дороги чем мостили; Сталин очень виноват*.

Образ Сталина – один из самых сложных и противоречивых в русской истории. Внимание к Сталину в творчестве Б. Окуджавы не случайно. Его родители были коммунистами, принадлежали к партийной элите. И мать, и отец были репрессированы. Отец – расстрелян, мать дважды отбывала наказание.

В стихотворении «Сталин Пушкина листал...» (1979) используется ономастическая лексика, принадлежащая к разным разрядам и тематическим группам: имена политических деятелей (*Сталин, Иосиф Виссарионович, Берия*), имена писателей (*Пушкин, Байрон*), ойконим *Москва*.

В тексте используется кольцевая композиция, которая проявляется на уровне коммуникативной модели текста. Стихотворение начинается с описания лирическим героем конкретной ситуации (Сталин листает Пушкина, пытаюсь понять суть), ситуация воспринимается как внешняя по отношению к лирическому герою, образ Сталина представлен в позиции 3 лица «он». Во второй строфе происходит изменение модели за счёт использования глагольной формы 2-го лица *увидишь* в обобщённом значении: *я, ты, он, любой не увидит*. Последующие пять строф – это рассуждения лирического героя о

Пушкине, причём в трёх строфах высказывания воспринимаются как собственный голос лирического героя, в последующих двух строках происходит изменение стилистической окраски текста, в голосе лирического героя звучит ирония: он мыслит уже не своими категориями, а категориями представителей власти (*Может, он – шпион английский, // если с Байроном дружил; Впрочем, может, был агентом // эфиопского царя?..*), в результате рассуждения лирического героя воспринимаются как рассуждения самого Сталина. Заканчивается стихотворение также описанием конкретной ситуации, образ Сталина возвращается в позицию 3 лица «он»: Москва, полночь, «Иосиф Виссарионович не ложился почивать», не поняв «вольный дух поэта», он распорядился вызвать к себе Берию.

Композиционная структура стихотворения строится на противопоставлении двух образов – Сталина и Пушкина, это противопоставление задаётся уже в первой строфе: *Сталин Пушкина листал, // суть его понять старался, // но магический кристалл // непрозрачным оставался.* Пушкинская реминисценция «магический кристалл» не только создаёт гротескную ситуацию, но и становится основой противопоставления образов.

Выражение Пушкина «магический кристалл» («Евгений Онегин») основано на одном из способов гадания посредством «магического кристалла». В тексте Пушкина выражение воспринимается в метафорическом значении, как символ поэтического воображения.

В стихотворении Окуджавы действия Сталина больше связываются с использованием магических средств, через которые он пытается увидеть то, что от него сокрыто. В результате образ Сталина получает сниженный характер, а его магическая практика, воспринимаемая как нечто, относящееся к тёмным, древним силам, оказывается противопоставленной светлomu и высокому – поэтическому воображению поэта. Это поддерживается на лексическом уровне, ср. контекстуально антонимичные лексемы *непрозрачный, тьма и душа.*

Также если автору «Евгения Онегина» образы являются и «даль свободного романа» сквозь магический кристалл он различал, пусть ещё и неясно, то магический кристалл Сталина остаётся непрозрачным, и, кроме тьмы, он различить больше ничего не может.

Сниженный характер образа Сталина также проявляется через использование разговорной формы отчества в составе двухсловного онима – *Иосиф Виссарионович*, который в сочетании с устаревшим, почти полным *почивать* создаёт иронический и, наверное, комический оттенок.

Таким образом, содержание концепта выводится из:

1) прямого значения фраз, характеризующих персонажа, например: *увидишь... // Тьму – и больше ничего, // но не душу стихотворца* – неспособность видеть душу поэта, видит тьму; *Всё он мог: и то, и это, // расстрелять, загнать в тюрьму* – обладающий беспредельной властью; *только вольный дух поэта // неподвластен был ему* – его власти не подчиняется вольный дух поэта;

2) потенциальных смыслов, логических выводов, например, факт использования магических средств, способствует характеристике образа как имеющего отношение к чему-то тёмному, древнему и низкому, а неспособность видеть душу поэта, способность видеть только тьму, плохое владение оккультными практиками указывает на ограниченность личности: *Может, он – шпион английский, // если с Байроном дружил?; Впрочем, может, был агентом // эфиопского царя?* – видит во всех, кто ему непонятен, врага; ограниченность мышления (так как неправильно делает логические выводы);

3) стилистической окраски текста (использование разговорного варианта имени, разговорной лексики).

Также сам факт противопоставления Сталина Пушкину является важным смысловым компонентом в структуре концепта.

В последней строке стихотворения возникает образ Берии, одного из главных организаторов «сталинских» репрессий –

Сталин, так и не поняв душу поэта, видимо, решил разобраться с ним (или с ней) при помощи репрессивных мер. Появление образа Берии создаёт ощущение абсурдности описываемой ситуации.

В стихотворениях «Моё поколение» (1953 год) и «Калужская фантазия» (1989 год) образ Сталина не является центральным. В первом стихотворении имя Сталина употребляется в последней строчке (*высшее счастье – быть коммунистами // такими, как Ленин, такими, как Сталин*) и не выявляет никаких смысловых связей в семантическом пространстве текста. В стихотворении «Калужская фантазия» имя Сталина используется в одном ряду с другими антропонимами: *Там вожди на мавзолее: Сталин, Молотов, Будённый, // и ладошками своими скромно машут: нет-нет-нет...*

Имя Павла I встречается в двух стихотворениях Б. Окуджавы. В стихотворении «Как я сидел в кресле царя» (1962 год) антропоним Павел Первый употреблён 4 раза в стихах, звучащих рефреном: последние две строки первой строфы Я – *Павел Первый, тот, который// сидит России во главе*, четвёртой и шестой Я ж *Павел Первый.// Мне бунт устраивать нельзя*, и восьмой строфы Я – *Павел Первый.// Мне бунтовать никак нельзя*.

Имя употребляется в одной и той же конструкции и называет предикативный признак подлежащего, выраженного местоимением 1 лица единственного числа. Таким образом, в тексте происходит отождествление образа Павла I с образом лирического героя, являющегося субъектом речи. В стихотворении создаётся образ человека, призывающего к свободе, сопротивлению, бунту, но который, в силу своего положения, не может участвовать в этом бунте.

Образ Павла I также встречается в стихотворении «Зной», где кроме имени Павла употребляется целый ряд связанных друг с другом онимов: ойконимы *Питер, Петергоф, Павловск*, антропонимы *Петр, Пушкин*. В тексте имя употреблено в словосочетании *причуды Павла*, которое

называет характеризующую пропозицию – Павел I зачастую воспринимался современниками как странный человек, о его причудах ходили легенды, его странности раздражали, некоторые считали его безумным и т. д.

В аналогичной конструкции в данном стихотворении также используется имя Петра I. В словосочетании «*плоть Петра*» существительное *плоть* становится многозначным символом. Это и конкретный предмет, орудие наказания, и выражение жестокости Петра I, его темперамента, и в то же время тех усилий, с которыми ему приходилось менять свой народ. Возможно, что существительное *плоть* в большей степени выражает эмотивные смыслы, нежели указывает на какие-либо качества, действия и т. д.

Образы Павла и Петра в данном стихотворении – это образы не столько конкретных людей, сколько «образы образов». Будучи представителями прошлого, они обнаруживают себя во времени настоящем. Возникающие в воображении лирического героя, эти образы «проплывают и парят»: *Прямо перед паровозом проплывают и парят // Павловска перрон пустынный, // Петергофа плен прекрасный, // плоть Петра, // причуды Павла, // Пушкина пресветлый взгляд*. Данные образы играют важную роль в организации художественного пространства и времени поэтического текста.

Имя русского императора Александра I и императора Бонапарта Наполеона используется в стихотворении «Вот Тюрингии столица...».

В столице Тюрингии, городе Эрфурте, осенью 1808 года проходили переговоры между Наполеоном и Александром I. Ойконим *Эрфурт* в тексте не фигурирует, автор называет город, используя перифраз *Тюрингии столица*. Для лирического героя этот город становится связующим звеном между эпохами, напоминанием об исторических событиях.

В поэтическом тексте сопоставляются две ситуации: беседа императоров и беседа лирического героя. В стихотворении нет

каких-то рассуждений, отражающих содержание беседы, – это скорее зарисовка, описывающая в большей степени внешние стороны происходящего. Главный смысл, основные переживания остаются на уровне подтекста. Важной является стилистическая тональность текста: движение от некой лёгкости, совмещённой с иронией, к горечи и боли.

Коммуникативная модель текста строится на соотношении «они» – «мы». Антропони́мы, репрезентирующие образы императоров, употреблены в одном стихе в составе словосочетания с комплетивными отношениями *Александр с Наполеоном* и занимают позицию 3 лица. Характеристики, данные в тексте историческим персоналиям, также относятся к обоим деятелям: *Два тирана, два кумира, // разделившие полмира*.

За образами Александра и Наполеона стоит историческая эпоха. На наш взгляд, в тексте прослеживается противопоставление двух эпох: исторической, героической и современной лирическому герою, которую он определяет как *годы прокляты*. Наблюдается также и сопоставление двух жизненных периодов: для императоров это время действий, событий, для лирического героя – время воспоминаний.

Имя С. М. Будённого встречается в двух стихотворениях Б. Окуджавы – в стихотворениях «Калужская фантазия» и «Вы говорите про Ливан...». В первом стихотворении имя *Будённый* используется в одном ряду с другими антропонимами: *Там вожди на мавзолее: Сталин, Молотов, Будённый, // и ладошками своими скромно машут: нет-нет-нет...* Образ Будённого не является центральным.

В стихотворении «Вы говорите про Ливан...» (1993 год) имя Будённого употреблено во множественном числе и относится к разряду нарицательных (процесс апеллятивизации). Слово *будённые* становится наименованием общего понятия, приобретает в тексте значение 'военный, захватчик' и вступает в синтагматические отношения с лексемой *кровь*, а также с лексемами *танк, дуло, приспи-*

чить, накликать. В стихотворении контекстуально противопоставленными оказываются слово *будённые* и антропони́мы *Мандельштам, Лев Толстой, Александр Сергеич*. Такое противопоставление играет важную роль в идейно-композиционной организации текста.

В лирике Б. Окуджавы также есть два стихотворения, в которых используется имя Р. И. Хасбулатова – российского политического деятеля.

Тексты, в которых используется имя Хасбулатова, датированы 1993 годом – временем, когда в стране происходят очень сложные события, правительственный кризис. Оба стихотворения Б. Окуджавы – реакция на общественную обстановку того времени.

Композиционно стихотворение «На митинге народных депутатов» состоит из двух частей. Предметом речи первой части стихотворения, в которой и употребляется имя Хасбулатова, являются реалии того времени – митинг народных депутатов. Отношение к ситуации автор передаёт через ряд субстантивов и субстантивных сочетаний, большая часть которых имеет значение характеристики лица по определённому признаку. Данный ряд является горизонтальным контекстом для анализируемого антропонима: *народные депутаты, Хасбулатов, толпа, уездные корифеи, секретари, лакеи, не евреи, нашенские по духу своему*.

Во второй части стихотворения возникает символический образ коммунальной кухни, характеризующий ситуацию современной России (или бывшего СССР), которая определяется как болезнь.

Второе стихотворение, в котором используется антропоним *Хасбулатов*, состоит всего из четырёх строк:

Первые два стиха – о чувстве ответственности автора за происходящее, о его чувстве вины: *Конечно, я во многом виноват: // ну, проглядел, такой уж я бездарный...* Коммуникативная модель этого текста организуется местоимением «я». В стихотворении происходит контекстуальное противопоставление лирического

героя и политического деятеля, о котором говорится в последних строфах *Но если Хасбулатов – демократ, // то лучшие уж в режим тоталитарный!*

На наш взгляд, эти стихотворения носят в какой-то степени публицистический характер, так как отражают современные для автора события. Поэтому говорить о том, что антропоним *Хасбулатов* представляет художественный образ, по нашему мнению, трудно.

Остальные антропонимы, именующие исторических деятелей, встречаются только в одном стихотворении, и занимают, как правило, в структуре поэтических текстов Б. Окуджавы менее важные позиции.

Заключение

Исследованная нами группа имён собственных отражает ключевые фигуры русской и мировой истории, а также знаковые фигуры того времени, в котором жил сам автор. За каждым именем – мировоззрение, мироощущение, система взглядов, морально-этический кодекс Булата Окуджавы. Употребляя то или иное имя, автор тем самым показывает свою сопричастность, своё отношение, приятие или неприятие действий, поступков той или иной личности.

Статья поступила в редакцию 20.04.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 256 с.
2. Волкова С. Н. Типы и функции антропонимов в «Афганских рассказах» О. Н. Ермакова // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIX Кирилло-Мефодиевские чтения / Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина. М., 2018. С. 285–290.
3. Калинин В. М. Теоретические основы поэтической ономастики: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Киев, 2000. 37 с.
4. Курс К. Ю. Из истории литературной ономастики // Известия Смоленского университета. 2012. №2 (18). С. 79–86.
5. Лабунец Н. В., Кочнева Н. С. Ономастическая рефлексия в произведениях В. П. Крапивина // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. HUMANITATES. 2019. Том 5. №2. С. 6–19.
6. Митрофанов Д. А. Адаптация культурно-маркированных онимов в художественном дискурсе // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация. М., 2018. С. 542–546.
7. Немировская Т. В. Некоторые проблемы литературной ономастики // Актуальные вопросы русской ономастики. Киев, 1988. С. 112–122.
8. Орехова Т. И. Онимы в текстах городского романа и бардовских песен: семантика, структура и функционирование // Диалог культур: поэтика локального текста. Горно-Алтайск, 2018. С. 265–273.
9. Печетова Н. Ю., Михайлова М. В. Роль имени собственного в создании образа персонажа художественного произведения (на примере произведений Л. Улицкой) // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2015. Т. 12. №1. С. 106–111.
10. Родионова Н. Н. К проблеме изучения антропонимикона творчества М. М. Пришвина // ФИЛОЛОГОС. Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина. Елец, 2016. №28 (1). С. 57–62.
11. Сотникова Е. А., Иванова М. Ю. Особенности использования онимов в текстах рассказов И. А. Бунина (на материале рассказов, входящих в первую часть цикла «Тёмные аллеи») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов. 2020. Т. 13. №1. С. 246–249.
12. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 366 с.
13. Суперанская А. В. Теория и методика ономастических исследований / А. В. Суперанская, В. Э. Сталтмане, Н. В. Подольская, А. Х. Султанов; отв. ред. А. П. Непокупный. М.: Наука, 1986. 254 с.
14. Фомин А. А. Литературная ономастика в России: итоги и перспективы // Вопросы ономастики. 2004. №1. С. 108–120.
15. Фоякова О. И. Имя собственное в художественном тексте: учеб. пособие. Л.: ЛГУ, 1990. 104 с.

REFERENCES

1. Vinogradov V. V. *Stilistika. Teoriya poeticheskoi rechi. Poetika* [Stylistics. The Theory of poetic speech. Poetics]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1963. 256 p.
2. Volkova S. N. *Tipy i funktsii antroponimov v «Afganskikh rasskazakh» O. N. Ermakova* [Types and functions of anthroponyms in “Afghan stories” by O. N. Ermakov]. In: *Slavyanskaya kul'tura: istoki, traditsii, vzaimodeistvie. XIX Kirillo-Mefodievskie chteniya / Gosudarstvennyi institut russkogo yazyka im. A. S. Pushkina* [Pushkin state Institute of Russian language.]. Moscow, 2018, pp. 285–290.
3. Kalinkin V. M. *Teoreticheskie osnovy poeticheskoi onomastiki: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk* [Theoretical foundations of poetic onomastics: abstract of D. thesis in Philological sciences]. Kiev, 2000. 37 p.
4. Kurs K. Yu. [From the history of literary onomastics]. In: *Izvestiya Smolenskogo universiteta*, 2012, no. 2 (18), pp. 79–86.
5. Labunets N. V., Kochneva N. S. [Onomastic reflection in the works of V. P. Krapivin]. In: *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya* [Tyumen state university herald. Humanities research. Humanitates]. HUMANITATES. 2019, Vol. 5, no. 2, pp. 6–19.
6. Mitrofanov D. A. *Adaptatsiya kul'turno-markirovannykh onimov v khudozhestvennom diskurse* [Adaptation of culturally-marked of names in the artistic discourse]. In: *Yazyk. Kul'tura. Perevod. Kommunikatsiya* [Language. Culture. Translation. Communication]. Moscow, 2018, pp. 542–546.
7. Nemirovskaya T. V. *Nekotorye problemy literaturnoi onomastiki* [Some problems of literary onomastics]. In: *Aktual'nye voprosy russkoi onomastiki* [Topical issues of Russian onomastics]. Kiev, 1988, pp. 112–122.
8. Orekhova T. I. *Onimy v tekstakh gorodskogo romansa i bardovskikh pesen: semantika, struktura i funkcionirovanie* [Onyms in the texts of urban romances and bard songs: semantics, structure and functioning]. In: *Dialog kul'tur: poetika lokal'nogo teksta* [Dialogue of cultures: poetics of the local text]. Gorno-Altaysk, 2018, pp. 265–273.
9. Pechetova N. Yu., Mikhailova M. V. [The proper name role in creating the image of character artwork (on the example of works by L. Ulitskaya)]. In: *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova* [Bulletin of the North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov], 2015, Vol. 12, no. 1, pp. 106–111.
10. Rodionova N. N. [The problem of the study of anthroponymical the work of M. M. Prishvin]. In: *FILOGOS. Eletskii gosudarstvennyi universitet im. I. A. Bunina* [Bunin Yeletsky State University]. Elets, 2016, no. 28 (1), pp. 57–62.
11. Sotnikova E. A., Ivanova M. Yu. [Features of the use of names in the texts of stories by I. A. Bunin (based on the short stories included in the first part of the series “Dark alleys”)]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological science. Questions of theory and practice]. Tambov, 2020, Vol. 13, no. 1, pp. 246–249.
12. Superanskaya A. B. *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [The General theory of a proper name]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 366 p.
13. Superanskaya A. V., Stal'tmane V. E., Podol'skaya N. V., Sultanov A. Kh. *Teoriya i metodika onomasticheskikh issledovaniy* [Theory and methodology of onomastic research] / resp. edited by A. P. Nepokupnyi. Moscow, Nauka Publ., 1986. 254 p.
14. Fomin A. A. [Literary onomastics in Russia: results and prospects]. In: *Voprosy onomastiki*, 2004, no. 1, pp. 108–120.
15. Fonyakova O. I. *Imya sobstvennoe v khudozhestvennom tekste: ucheb. posobie* [The proper name in a literary text: textbook]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1990. 104 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Попович Ольга Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии Павлодарского государственного университета им. С. Торайгырова (Казахстан);
e-mail: olporovich@mail.ru

Крылова Наталья Федоровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общих дисциплин Государственного университета управления (Россия);
e-mail: krylova.tasha@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga A. Popovich – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Russian Philology, S. Toraighyrov Pavlodar State University (Kazakstan);
e-mail: olpopovich@mail.ru

Natalya F. Krylova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Russian language and General disciplines, State University of management (Moscow, Russia);
e-mail: krylova.tasha@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Попович О. А., Крылова Н. Ф. Прецедентные имена в поэтическом ономастиконе Булата Окуджавы: исторические и политические деятели // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №3. С. 24–36.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-24-36

FOR CITATION

Popovich O. A., Krylova N. F. Precedent names in the poetic onomasticon of Bulat Okudzhava: historical and political figures. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2020, no. 3, pp. 24–36.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-24-36